

УДК 34

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-148-155

Андрей Андреевич Ковалев,*Северо-Западный институт управления РАНХиГС**(г. Санкт-Петербург, Россия),**e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru*

Правовая культура в зеркале современной социальной философии Запада

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения воззрений современных западных учёных на правовую культуру в условиях обострения цивилизационных и социокультурных противоречий. Эти социально-философские и теоретико-правовые концепции не становились предметом научного исследования в нашей стране, что обуславливает новизну работы, главной исследовательской проблемой которой является необходимость изучения социально-философских и теоретико-правовых воззрений на феномен правовой культуры. Цель исследования – анализ взглядов видных теоретиков культуры и социальных философов Запада (Л. Фридмана, М. Дамаска и др.) – конкретизируется в решении следующих задач: 1) рассмотреть многообразие трактовок правовой культуры; 2) рассмотреть понимание воздействия правовой культуры на работу правовых и политических систем. Методология данного исследования включает метод исторических параллелей как модификацию социально-философского метода аналогий, сравнительно-правовой метод и применяемые в философии культуры и культурологии генетический и компаративный подходы. В статье проанализированы воззрения современных западных мыслителей на проблемы правовой культуры: 1) выявлены основные трактовки, многообразие и сферы приложения правовой культуры; 2) показано воздействие правовой культуры на функционирование правовых систем. Правовая культура – совокупность множества правовых культур, а конкретная правовая культура связана с определённым менталитетом той или иной социальной группы. Л. Фридман предложил подробное описание воздействия правовой культуры на работу правовых систем. Социальные силы создают стимул для перемен, но не воздействуют непосредственно на правовую систему. Интересы превращаются в требования, а требования должны формулироваться как задачи правовой системе для производства правовых актов. Правовая культура обеспечивает или допускает перевод интересов в социальные требования посредством выраженных в правовой культуре установок, способствующие формированию социальных и политических требований. Правовая культура определяет способ, которым правовая система реагирует на эти требования.

Ключевые слова: правовая культура, правосознание, правовая система, социальная философия, философия права, философия

Andrey A. Kovalev,*North-Western Institute of Management RANEPa**(Saint Petersburg, Russia),**e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru*

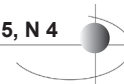
Legal Culture in the Mirror of Modern Social Philosophy of the West

The relevance of the research is due to the need to study the views of modern Western scientists on legal culture in the context of increasing civilizational and socio-cultural contradictions. These socio-philosophical and legal-theoretical concepts have not been the subject of scientific research in our country, which determines the novelty of the work, the main research problem of which is the need to study socio-philosophical and legal-theoretical views on the phenomenon of legal culture. The purpose of the research is to analyze the views of prominent cultural theorists and social philosophers of the West (L. Friedman, M. Damask, etc.). It is specified in solving the following tasks: 1) to consider the variety of interpretations of legal culture; 2) to consider the understanding of the impact of legal culture on the work of legal and political systems. The methodology of this research includes the method of historical parallels as a modification of the socio-philosophical method of analogies, the comparative legal method and the genetic and comparative approaches used in the philosophy of culture and cultural studies. The article analyzes the views of modern Western thinkers on the problems of legal culture: 1) the main interpretations, diversity and areas of application of legal culture are identified; 2) the impact of legal culture on the functioning of legal systems is shown. Legal culture is a set of many legal cultures, and a specific legal culture is associated with a certain mentality of a particular social group. L. Friedman offered a detailed description of the impact of legal culture on the work of legal systems. Social forces create an incentive for change, but do not directly affect the legal system. Interests turn into requirements, and requirements should be formulated as tasks of the legal system for the production of legal acts. The legal culture ensures or allows for the translation of interests into social requirements by means of attitudes expressed in the legal culture that contribute to the formation of social and political requirements. The legal culture determines the way the legal system responds to these requirements.

Keywords: legal culture, legal awareness, legal system, social philosophy, philosophy of law, philosophy

© Ковалев А. А., 2020

Введение. Поиски онтологической сущности правовой культуры остаются актуальной проблемой для отечественной социальной философии, теории и философии права, философии культуры. Различные аспекты правовой культуры привлекают внимание философов, культурологов, правоведов. Все они стремятся концептуально определить правовую культуру. Эта проблема является междисциплинарной для гуманитарных наук, и актуализировалась она в связи с поисками нового правопонимания, необходимость которого диктует меняющаяся стремительными темпами социальная реальность.

Для культурологов и философов этого направления исследование правовой культуры представляет интерес в плане выявления общего и особенного в феномене правовой культуры как неотъемлемой части культуры в целом. Социальная философия, важнейшей частью которой являются философия права и философия культуры, рассматривает проблему правовой культуры на предельно широком, концептуальном уровне.

В отечественной научной литературе не часто обращались к анализу зарубежных концепций правовой культуры, бытующих как в академической среде, так и среди политиков и юристов-практиков. Не секрет, что в США и странах Западной Европы политики-практики прислушиваются к выводам и рекомендациям учёных, что помогает им принимать взвешенные и ответственные решения. Поэтому исследование философских и политических воззрений, относящихся к правовой культуре и распространённых в западной академической среде, будет небесполезным. Прежде всего – для поиска точек соприкосновения с западным миром в нашу сложную и конфликтную эпоху, когда цивилизационное противостояние угрожает перерасти в масштабный и последний для всего человечества конфликт.

Поэтому целью данного исследования является анализ взглядов видных теоретиков культуры и социальных философов Запада на феномен правовой культуры. Достижение этой цели включает следующие задачи: 1) рассмотреть многообразие трактовок правовой культуры; 2) рассмотреть понимание воздействия правовой культуры на работу правовых систем.

У нас в стране к различным аспектам сущности и функционирования правовой культуры обращались М. Г. Баумова [1], О. Н. Братусева [2], В. Н. Гуляихин [4], В. И. Пржиленский [8], В. П. Малахов [5], В. С. Нерсисянц [7], М. Г. Тюрин [9], В. Н. Хропанюк [10], П. А. Шашин [11] и другие учёные. В своих исследованиях они, в той или иной степени, рассматривали взгляды западных исследователей. В этой статье мы проана-

лизируем взгляды Л. Фридмана, М. Дамаска и других, которые редко попадали в поле зрения отечественных обществоведов.

Методология исследования включает метод исторических параллелей как модификацию социально-философского метода аналогий, сравнительно-правовой метод и применяемые в философии культуры и культурологии генетический и компаративный подходы.

Результаты исследования и их об-суждение. Поиски единой, определённой и строгой концепции правовой культуры обла-дают очевидной исследовательской привле-кательностью для сравнительной социоло-гии права, предлагающей общие сравнения различных правовых систем как феноменов общественного бытия. Акцентирование вни-мания на правовой культуре действительно можно рассматривать как средство, помо-гающее синтезу интересов и стремлений социологии права, теории и философии права, культурологии и сравнительного пра-воведения. Отметим, что в своей предмет-ной области социальная философия и тео-ретическая социология совпадают, а потому векторы интересов их исследователей рав-нонаправлены.

Сравнительное правоведение, задачей которого является сравнение различных правовых систем мира, разрабатывает чёт-кие концептуальные рамки для сравнения между государственными правовыми систе-мами прошлого и современности, важней-шими составными частями которых являют-ся определённые представления о правовой культуре. Но основные концептуальные механизмы сравнительного правоведения представляются недостаточными для целей социологии права, ибо для последней тре-буется концептуальная основа, позволяю-щая сравнивать не просто правовые доктри-ны, а правовые идеи и практики правопри-менения, связанные с широким социальным контекстом.

Трудность понятия правовой культуры, как и самого понятия культуры, заключается в его неточности и расплывчатости, что является следствием предъявляемых к нему требований и той роли в социальном ана-лизе, которую оно призвано играть. В совре-менной научной литературе насчитывается, по разным оценкам, от 250 до 400 опреде-лений культуры. Едины исследователи, по-жалуй, лишь в одном тезисе: культура – это духовное возделывание индивида, средство превращения его в самостоятельную лич-ность [3].

Культура позволяет сохраниться и об-ществу, а национальная культура превра-щается в мощный государствообразующий фактор. История учит, что когда примитиви-зируется и гибнет культура, то сходят с исто-

рической сцены этносы и государственные образования.

В обширной теоретической и дискуссионной работе американского политолога, историка и писателя Лоуренса Фридмана о правовой культуре предлагаются различные характеристики правовой культуры, и делается обзор существующих точек зрения на проблему. Правовая культура «относится к общественному знанию и отношениям и моделям поведения по отношению к правовой системе» [18–21]. Правовая культура также может быть «совокупностью обычаев, органически связанных с культурой в целом» [15]. Правовая культура – это часть культуры вообще: «те части общей культуры – обычаи, мнения, способы действий и мышления, которые склоняют общественные силы к закону или от него в частности» [6]. Правовая культура состоит из «установок, ценностей и мнений, существующих в обществе по поводу права, правовой системы и ее различных частей», «идей, установок, ценностей и убеждений, которых люди придерживаются относительно правовой системы» или «идей, установок, ожиданий и мнений о праве, существующих у людей в каком-либо данном обществе» [12].

Неточность этих формулировок затрудняет понимание того, что именно охватывает это понятие, какова взаимосвязь между различными элементами, которые входят в теоретическую область. Чаще всего понятие правовой культуры не исследовалось как теоретико-познавательная проблема, оно использовалось лишь как второстепенная категория для обозначения общей среды мышления, убеждений, практики и институтов, в рамках которой право может считаться существующим. Некоторых исследователей устраивало такое положение вещей, а некоторых – нет.

Понятие правовой культуры имеет, по меньшей мере, две сферы приложения. С одной стороны, оно указывает на широкое признание чрезвычайно глубоких исторических тенденций или движений, которые, безусловно, не замкнуты лишь в границах наций или государственных правовых систем. С другой – эта концепция используется для статуйного признания правового плюрализма, понимаемого в его социально-научном смысле. Плюралистичность позиций предполагает концепции более сложного уровня. Правовая культура предстаёт не как единое целое, а как огромное, многослойное образование из различных уровней и отраслей культуры, различающихся по содержанию, объёму и влиянию, а также по их отношению к институтам и практикам государственно-правовых систем.

Л. Фридман последовательно описывает фундаментальную двойственность пра-

вовой культуры, которая проявляется на её различных уровнях или областях. Он предусматривает существенное различие, напоминающее в этом отношении точку зрения классика исторической школы права Фридриха Савиньи, между правовой культурой «тех членов общества, которые выполняют специализированные юридические задачи», и правовой культурой других граждан [25]. Правовая культура юристов, которую Л. Фридман считает «особо важной», – это «внутренняя» правовая культура. Такой культуре противопоставляется то, что он в разное время называл «внешней», «народной» или «пассивной» правовой культурой. Однако связь между «внутренней» и «внешней» правовой культурой остаётся весьма неясной. Не ясно, почему внутренняя правовая культура должна рассматриваться в социологическом плане как особо важная и почему именно поведение и установки профессионалов оказывают большое влияние на правовую систему.

Л. Фридман предложил довольно подробное описание воздействия правовой культуры на работу правовых систем. Социальные силы создают стимул для перемен, но не воздействуют непосредственно на правовую систему. Интересы должны быть превращены в требования, а требования должны быть успешно навязаны правовой системе для производства «правовых актов» (например, новых законов). Правовая культура обеспечивает или допускает перевод интересов в социальные требования посредством выраженных в правовой культуре установок, которые способствуют формированию требований. И правовая культура также определяет способ, которым правовая система реагирует на эти требования. В этом последнем качестве правовая культура воздействует на построение «структур» самой правовой системы – таких, как совокупность правовых норм или юридических прецедентов, а также на социальные силы, влияющие на правовую систему.

Л. Фридман опровергает метафизический тезис, что сама правовая система каким-то образом реагирует в качестве активно действующей силы. «Действуют реальные силы, реальные люди»; «конкретная оппозиция групп интересов, выраженная через правовую систему или в ней самой» [17]. Тем не менее, правовая система – процедурные и доктринальные структуры – «действительно имеет некоторое значение; она точно показывает, как много мы не знаем» [Там же].

Идея правовой культуры оказалась способной охватить представление о том, что право проникает в значительное количество сфер социального и индивидуального бытия. Современные западноевропейцы

рассматривают право, скорее, не как совокупность обязанностей и долг в кантианском смысле, а как гарант выполнения обязательств со стороны государства. В странах с авторитарной и тоталитарной политической системой право выполняет исключительно охранительные и карательные функции во имя защиты интересов правящей верхушки. В таких странах право становится фикцией, жалким фиговым листом, ибо служит прикрытием преступных действий власти, деформирующей правовую культуру народа. Тогда сама правовая культура становится симулякром, нечто несуществующим и аморфным.

И всё же во многих странах современного мира, испытывающих на себе гнёт насильственной глобализации или авторитарных режимов, растёт осознание социальных притязаний. Растёт общее ожидание справедливости и воздаяния за грехи. Права как компонента социальной жизни становятся всё больше. Культура выбора, в которой люди ожидают, что они смогут формулировать, выражать и осуществлять личный выбор и, при необходимости, защищать его с помощью права, становится довлеющей во многих странах.

Проблемы понимания правовой культуры отражают в основном общие трудности, связанные с самим понятием культуры. Эти трудности серьёзно ограничивают полезность концепций сравнительной социологии права, направленных на систематическое эмпирическое объяснение и развитие теории, способной прояснить общие причинно-следственные или функциональные связи между социальными явлениями. Культура – это удобное понятие, которым условно можно обозначить общую среду социальных практик, традиций, представлений и ценностей, в которых существует право. Правовая культура в этом смысле может иметь для социологии права то же значение, что и идея национальных правовых семей для теории права и сравнительного правоведения.

Следует обратиться к вопросу о взаимосвязи между сравнительным правоведением и социологией права. В этом контексте интересна позиция почетного профессора права Йельской юридической школы Мирьяна Дамаска (Mirjan R. Damaska), которая фокусируется на взаимодействии конкретных переменных, связанных с политической структурой и политической идеологией. При объяснении различий в моделях правовой процедуры этот подход представляется более перспективным, чем тот, который принимает концепцию правовой культуры в качестве объяснения.

М. Дамаска говорит о социальных переменных и их взаимодействии как о процессе создания моделей для анализа. Этот

анализ базируется на идеальных типах государственного устройства и процедурной власти с одной стороны и ориентации на политическую власть – с другой. Они должны использоваться для объяснения тех видов различий в правовой организации и мировоззрении, которые часто связаны с контрастами между семьями общего и гражданского права, признанными в сравнительном правоведении [14].

М. Дамаска полагает, что сравнительно-правовая концепция правовых семей является недостаточной для характеристики отличительных особенностей процессуальных систем: во-первых, из-за разнообразия правоприменительной практики, которую осуществляют различные системы, во-вторых, из-за кажущегося отсутствия связей между процессуальными элементами, которые сгруппированы вместе внутри той или иной правовой семьи.

Профессор Дамаска признаёт невозможность охарактеризовать культурную сложность иначе, с точки зрения отслеживания конкретных, более или менее уникальных кластеров исторических событий в конкретных правовых системах. Эти изменения следует понимать в терминах определённых идей, лежащих в их основе, которые можно считать ярко выраженными. Это «идеи, способные складывать воедино формы справедливости в узнаваемые образцы» [13]. Логические связи между этими постулируемыми идеями создают идеальные типы процессуальных систем, которые могут способствовать сопоставлению между фактическими процессуальными системами. Диалектика юридического и фактического – частный случай диалектической связи между должным и сущим.

Использование чистых или идеальных типов представляется одним из важных способов объединения двух жизненно важных исследовательских требований в сравнительной социологии права. Во-первых, это позволяет признать огромное количество элементов, которые можно было бы назвать составными частями правовой культуры, не попадая в ловушку представлений о культуре как о единстве, а не совокупности составных частей. В то же время, во-вторых, это облегчает сравнение.

Данный подход имеет классические истоки в веберовских исследованиях широких культурных агрегатов [26]. Действительно, в некотором смысле вся работа М. Вебера может рассматриваться как исследования, сосредоточенные на характеристике западной культуры как уникального явления. Но метод идеальных типов может быть единственным доступным общим методом, который делает возможным изучение больших культурных агрегатов без их овещест-

вления. Идеальный тип по своей природе предполагает, во-первых, что он обозначает некую идею как логически объединённую и самодостаточную, созданную исключительно для целей интеллектуального размышления [24]. Во-вторых, он предполагает, что эмпирические явления, для целостного изучения и систематизации которых используется идеальный тип, считаются не более чем набором данных, отобранных для конкретных целей исследования из бесконечности исторического опыта.

Могут существовать определённые ограниченные условия, когда понятие правовой культуры приобретает более значимую практическую полезность. Возможны обстоятельства, при которых правосознание целесообразно отождествлять с эмпирической категорией, а не рассматривать его просто как набор идеальных типовых конструкций.

В определённых условиях может оказаться возможным не просто абстрагироваться от бесконечности данных с помощью идеальных типов, которыми можно охарактеризовать культуру, а попытаться описать и зафиксировать этнографически во всём её богатстве и сложности совокупность установок, ценностей, обычаев и моделей социального действия, которые могли бы составить внешнюю правовую культуру. Но это, вероятно, будет осуществимо только в том случае, когда соответствующие культурные агрегаты являются небольшими и изолированными, так что никаких серьёзных проблем дифференциации и различия культур не возникает. Разумеется, в современной реальности всё труднее встретить такие идеальные изолированные культуры, но ещё столетие назад путешественники и этнографы имели возможность исследовать такие культурные общности.

Например, богатое наследие представляет собой классическая этнография британского антрополога польского происхождения Бронислава Малиновского. Благодаря применению метода включённого наблюдения он исследовал то, что, в определённой мере, можно рассматривать как «правовую культуру» Тробрианских островов, хотя население этих островов находилось на уровне первобытной дикости [22]. Здесь речь, разумеется, шла о синкретичных формах зачаточного правосознания, включающего в себя определённый моральный смысл.

Сфера этнографического исследования Б. Малиновского определялась, прежде всего, не стремлением проследить конкретные переменные, а его желанием выявить генезис, социальную структуру, изменения и преемственность моральных и правовых норм, а также их функциональные связи в рамках комплексного и недифференциро-

ванного культурного целого. Эти исследования стали возможными благодаря географической изоляции относительно небольших меланезийских обществ [23].

Поскольку речь идёт о культурной совокупности как совокупности целого и о чрезвычайно сложном переплетении в ней различных элементов, то правовой элемент становится неизбежно неотделимым от других аспектов культуры или дифференцируется только временным и переменным образом. Следовательно, правовая культура – это лишь определённый аспект культуры как недифференцированная совокупность. Строго говоря, нет никакой правовой культуры, а есть только культура, рассматриваемая с определённой точки зрения юридической значимости для наблюдателя.

Проблемы расплывчатости трактовок правовой культуры и оценок причинно-следственной значимости многочисленных слоёв или областей правовой культуры могут казаться менее острыми в контексте современных обществ, если объём соответствующего культурного агрегата может быть ограничен способом, сопоставимым с тем, который использован в исследованиях Б. Малиновского.

Существующий ярко выраженный акцент на правовой плюрализм в антропологических исследованиях, а также в некоторых ранних работах по социологии права, сопровождается чётко выраженным вниманием к культурным вариациям. В работе австрийского правоведа и социолога Ойгена Эрлиха подчёркивание множественности систем правового упорядочения за пределами правовой системы государства призвано точно выразить это разнообразие. Эрлих стремился показать ту сложность, с которой различия в установках, ценностях, верованиях и обычаях могут быть непосредственно зафиксированы в нормативном разнообразии [16].

Действительно, вполне возможно, что культурологические концепции особенно подходят для этнографических исследований, целью которых является описание переплетения когнитивных структур, систем ценностей и убеждений, моделей социального действия и регулятивных структур как относительно недифференцированного комплекса. Этот комплекс существует в ограниченном социальном пространстве. Он бытийствует в сложной совокупности, представляющей интерес именно как совокупность, как отображение – насколько это практически возможно и даже правдоподобно – всей сложной паутины социальной жизни.

Но целостная культурологическая концепция порой затрудняет дифференцированный подход к теоретическому и практи-

ческому изучению правовых или институциональных элементов, которые можно было бы рассматривать как эквивалентные или заменяющие те аспекты социальной организации, которые в сложных обществах рассматривались бы как исключительно правовые. Для выделения правового элемента требуется разложение культуры на её составляющие и теоретическая конкретизация соотношения составных элементов её «живой души». Но это именно то, что сторонники использования идеи культуры как целостной совокупности зачастую стремятся обойти. Ведь целое никогда не идентично простой сумме частей. По мере того, как антропология развивала интерес к изучению конкретных регулятивных аспектов социальной организации, аналитически отделяя их от других элементов социальной жизни, культурологические концепции, как правило, не занимали видного места наряду с рядом других концепций, которые использовала позитивистски ориентированная научная литература.

Тем не менее, существуют перспективы использования понятия правовой культуры применительно к анализу отдельных аспектов современных государственно-правовых систем. Имеется определённое сходство между использованием концепций культуры для объяснения происхождения сложных социальных элементов и этнографическими трактовками генезиса правового сознания.

Выводы. Общий вывод, который следует сделать о современном понимании правовой культуры на Западе, заключается в том, что эти концепции наиболее полезны для акцентирования внимания на явной сложности и разнообразии социальной матрицы, в которой существуют современные государственные правовые системы. Правовая культура может пониматься как огромное разнообразие пересекающихся культур: одни относительно локальные, другие – более универсальные. Однако во многих случаях ориентация на общее понятие культу-

ры делает проблематичным теоретическое определение специфической правовой культуры.

Поскольку социальные исследования в области права имеют тенденцию отступать от многих традиционных представлений об идеях позитивистской социальной науки или даже отвергать их, а также принимать адекватные и обязательные интерпретационные методы, которые отрицают многие позитивистские следствия использования термина «наука» в этом контексте, возникает соблазн в большей степени полагаться на относительно расплывчатые понятия культуры и правовой культуры при интерпретации социальных явлений.

Должный уровень правовой культуры можно понимать как «золотую середину» между правовым фетишизмом, который приписывает праву поистине сакральные функции и объявляет его высшим регулятором общественных отношений, и правовым нигилизмом, отрицающим в своих крайних формах право как реальность общественно-го бытия.

В определённых контекстах идея недифференцированной совокупности социальных элементов, сосуществующих в определённое время и в определённом месте, может быть полезной и даже необходимой в социальных исследованиях. Эта идея удобно выражена в понятии культуры. При изучении конкретных социальных обстоятельств и контекстов понятие правовой культуры может также быть полезным для предварительного охвата всей контекстуальной матрицы, в которой действует право. Право можно понимать и как воплощение вечно привлекательной идеи справедливости, и как простую совокупность законов. Эти законы сами по себе могут быть несправедливыми, и тогда лишь уровень правовой культуры в гражданском обществе сможет противостоять возможным злоупотреблениям со стороны авторитарной государственной власти.

Список литературы

1. Баумова М. Г. Функции правовой культуры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2005. 220 с.
2. Братусева О. Н. Правовые культуры в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2009. 157 с.
3. Горохов П. А., Кеидия К. З. Некоторые аспекты истории проблемы «самости» в философском контексте проблемы самоидентификации // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 2. С. 50–54.
4. Гуляихин В. Н. Правовая культура в России: природа и формы правового нигилизма: дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01. М., 2006. 349 с.
5. Малахов В. П. Философия права. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 448 с.
6. Навальный С. В. Электоральная правовая культура: исторический опыт и современность: монография. Красноярск: Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета, 2018. 427 с.
7. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2003. 652 с.

8. Пржиленский В. И. Современная философия: интеллектуальные технологии XXI века. М.: Проспект, 2017. 336 с.
9. Тюрин М. Г. Архетипы национальной правовой культуры: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Ростов н/Д., 2008. 193 с.
10. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. 384 с.
11. Шашин П. А. Правовая культура в правовой системе общества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2006. 191 с.
12. Cotterrell R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Routledge, 2017. 208 p.
13. Damaska M. Evidence Law Adrift. Description: Yale University Press, 2013. 176 p.
14. Damaska M. The Faces of Justice and State Authority: A Comparative Approach to the Legal Process. Description: Yale University Press, 1991. 260 p.
15. Doeker-Mach G., Ziegert K. Law, Legal Culture and Politics in the Twenty First Century. Franz Steiner: Franz Steiner Verlag, 2004. 527 p.
16. Ehrlich E. Fundamental Principles of the Sociology of Law. New Jersey: Transaction Publishers, 2009. 541 p.
17. Friedman L. A History of American Law, Revised Edition. New York: Simon and Schuster, 2010. 784 p.
18. Friedman L. Impact. Harvard: Harvard University Press, 2016. 315 p.
19. Friedman L. The Horizontal Society. Description: Yale University Press, 2014. 336 p.
20. Friedman L. The Legal System: A Social Science Perspective. New York: Russell Sage Foundation, 1975. 338 p.
21. Friedman L. Total Justice. New York: Russell Sage Foundation, 1985. 176 p.
22. Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. New York: Routledge, 2014. 542 p.
23. Malinowski B. Methods of Study of Culture Contact in Africa. New York: Read Books Ltd, 2014. 147 p.
24. Nelken D. Comparing Legal Cultures. New York: Routledge, 2017. 288 p.
25. Savigny F. The Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence. New York: The Lawbook Exchange, Ltd., 2002. 192 p.
26. Weber M. The Theory of social and economic organization. New York: Simon and Schuster, 2009. 448 p.

Статья поступила в редакцию 16.05.2020; принята к публикации 13.06.2020

Сведения об авторе

Ковалев Андрей Андреевич, кандидат политических наук, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; 199178, Россия, г. Санкт-Петербург Средний пр-т В. О., 57/43; e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>.

Библиографическое описание статьи

Ковалев А. А. Правовая культура в зеркале современной социальной философии Запада // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 148–155. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-148-155.

References

1. Baumova, M. G. Functions of legal culture. Cand. legal sci. diss. Nizhny Novgorod, 2005. (In Rus.)
2. Bratseva, O. N. Legal culture in the context of globalization. Cand. legal sci. diss. Moscow, 2009. (In Rus.)
3. Gorokhov, P. A., Keidia, K. Z. Some aspects of the history of the problem of "self" in the philosophical context of the problem of self-identification. OSU Bulletin, no. 2. pp. 50–54, 2012. (In Rus.)
4. Gulyikhin, V. N. Legal culture in Russia: the nature and forms of legal nihilism. Dr. philos. sci. diss. Moscow, 2006. (In Rus.)
5. Malakhov, V. P. Philosophy of law. Moscow: Academic Project; Yekaterinburg: Business book, 2002. (In Rus.)
6. Naval'ny, S. V. Electoral legal culture: historical experience and modernity: monograph. Krasnoyarsk: Editorial and publishing center of Krasnoyarsk State agrarian University, 2018. (In Rus.)
7. Nersesyants, V. S. Philosophy of law. Moscow: NORMA publishing house, 2003. (In Rus.)
8. Przhilensky, V. I. Modern philosophy: Intellectual technologies of the XXI century. Moscow: Prospekt, 2017. (In Rus.)
9. Tyurin, M. G. Archetypes of national legal culture. Cand. legal sci. diss. Rostov-on-don, 2008. (In Rus.)
10. Khropanyuk, V. N. Theory of state and law. Moscow: "Dabakhov, Tkachev, Dimov", 1995. (In Rus.)
11. Shashin, P. A. Legal culture in the legal system of society. Cand. legal sci. diss. St. Petersburg, 2006. (In Rus.)
12. Cotterrell, R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory. Routledge, 2017. (In Engl.)
13. Damaska, M. Evidence Law Adrift. Yale University Press, 2013. (In Engl.)
14. Damaska, M. The Faces of Justice and State Authority: A Comparative Approach to the Legal Process. Yale University Press, 1991. (In Engl.)

15. Doeker-Mach, G., Ziegert, K. Law, Legal Culture and Politics in the Twenty First Century. Franz Steiner Verlag, 2004. (In Engl.)
16. Ehrlich, E. Fundamental Principles of the Sociology of Law. Transaction Publishers, 2009. (In Engl.)
17. Friedman, L. A History of American Law, Revised Edition. Simon and Schuster, 2010. (In Engl.)
18. Friedman, L. Impact. Harvard University Press, 2016. (In Engl.)
19. Friedman, L. The Horizontal Society. Yale University Press, 2014. (In Engl.)
20. Friedman, L. The Legal System: A Social Science Perspective. Russell Sage Foundation, 1975. (In Engl.)
21. Friedman, L. Total Justice. Russell Sage Foundation, 1985. (In Engl.)
22. Malinowski, B. Argonauts of the Western Pacific. Routledge, 2014. (In Engl.)
23. Malinowski, B. Methods of Study of Culture Contact in Africa. Read Books Ltd, 2014. (In Engl.)
24. Nelken, D. Comparing Legal Cultures. Routledge, 2017. (In Engl.)
25. Savigny, F. The Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence. The Lawbook Exchange, Ltd., 2002. (In Engl.)
26. Weber, M. The Theory of social and economic organization. Simon and Schuster, 2009. (In Engl.)

Received: May 16, 2020; accepted for publication June 13, 2020

Information about author

Kovalev Andrey A., Candidate of Political Science, North-Western Institute of Management RANEPa; 57/43 Sredny ave. V. O., Saint Petersburg, 199178, Russia; e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>.

Reference to the article

Kovalev A. A. Legal Culture in the Mirror of Modern Social Philosophy of the West // Humanitarian Vector. 2020. Vol. 15, No. 4. PP. 148–155. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-148-155.
